

Е.Н. Басовская

«Родина меня простила»

Первая мировая война и Февральская революция заставили Куприна вернуться к политике и общественной деятельности. В 1914 году в его доме в Гатчине (под Петроградом) действовал частный госпиталь для раненных на фронтах. Весной 1917 Куприн был среди тех, кто приветствовал свержение монархии. Он стал соредактором газеты «Свободная Россия» — название говорит само за себя.

Октябрьскую революцию Куприн оценил иначе. Большевики были для него, как и для многих интеллигентов, воплощением варварства. Он открыто критиковал их в печати — в течение того недолгого времени, пока новая власть позволяла существовать свободной прессе. Даже после закрытия всех «буржуазных», то есть не социал-демократических изданий Куприн не оставлял надежды работать в журналистике и разрабатывал проект «беспартийной» газеты. Однако в послеоктябрьской России такой проект уже не мог быть реализован. Зато вскоре ему довелось осуществлять совершенно иной проект, и, строго говоря, тоже не совсем «беспартийный».

Куприн продолжал жить в Гатчине, которая осенью 1919 года была занята войсками Юденича. На сей раз бывший офицер, критиковавший армейские порядки царских времен, охотно явился в распоряжение командования белых. На правах военного корреспондента и редактора Куприн выпускал для Юденича прифронтовую газету «Приневский край». Когда же наступление белой армии на Петроград не удалось, семья Куприных ушла вместе с отступающими войсками и через Финляндию попала в Париж.

За границей Куприн не прекращал литературной работы, но был ею постоянно недоволен. Его раздражало то, что он слишком много занимался публицистикой. Писателю по-прежнему удавались очерки, фельетоны — но не художественные произведения. Главы из романа «Юнкера», над которым он трудился с 1928 по 1932, кажутся вялыми, вымученными по сравнению с написанным в России.

Невозможно ответить на вопрос о том, почему стал угасать художественный талант Куприна. Были ли причиной тому приближавшаяся старость, разрушение могучего некогда здоровья или все-таки, прежде всего, — тягчайшая ностальгия? Современники единодушно свидетельствуют: мало кто так безмерно страдал в отрыве от России, как Александр Иванович Куприн. Его публицистика 20-30-х годов пропитана тоской по родине:

«Пишу почти накануне “Reveillon”¹. За стеклами булочных и кондитерских уже выставлены традиционные пирожные, сделанные под каминное полено.

А в Москве в эту пору, бывало, лежали в ярко освещенных витринах невинные белые ростовские поросенки в заливном виде, с самодовольной улыбкой на морде и с веточкой зеленой петрушки во рту.

В ночь с 24 на 25 декабря настоящему парижанину полагается гулять напролет до утра. Коренной москвич садился обедать после всенощной при первой звезде «вифлеемской» — начиная с кутьи и грушевого взвара.

А в окнах, кое-где, в разных этажах, сквозь спущенные занавески, уже сияли туманными золотистыми гроздьями огни свечей на елках...

Когда все это было? Точно сто лет назад. Да и было ли?» («Париж и Москва». 1924).

В этом фрагменте, как и вообще в публицистике эмигрантского периода, Куприн по-прежнему точен и выразителен. Всего несколько штрихов к портрету старой рождественской Москвы — а разве забудешь заливного поросенка с «самодовольной улыбкой на морде»! Когда читаешь эти строки, чувствуешь, что для автора великое наслаждение

¹ Reveillon (фр.) — Рождество.

вспоминать каждую мелочь из той, прошлой, утраченной жизни. Мысль о том, чтобы никогда больше не увидеть Россию, для него невыносима.

В 1937 году Куприн с женой вернулись на родину. Писателя встретили радушно: он получил квартиру в Ленинграде, вышел двухтомник его произведений. Но Куприн был настолько болен и слаб, что едва ли мог испытывать радость. Через год с небольшим после приезда в Советский Союз он скончался и был похоронен в Ленинграде. Мемуаристы на разные лады пересказывали историю о том, как писатель, слабый от болезни, плакал счастливыми слезами и говорил: «Родина меня простила!» Хорошо, если он действительно успел это почувствовать. В сущности, родине не за что было его прощать. Зато она могла быть ему благодарна — за его преданную любовь к этой земле, этой природе, этим людям, этому языку. За его честные, увлекательные, полные добрых чувств книги.